

Фурцев Роман Витальевич

СОПЕРНИЧЕСТВО ФРАНЦИИ И ИСПАНИИ ЗА ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ В ИТАЛИИ В НАЧАЛЕ XVI В.

Начало XVI в. отмечено драматическими событиями во всей Западной Европе, но совершенно особое место в истории этого периода занимал Апеннинский полуостров, ставший ареной баталий между ключевыми игроками европейской политики. Итальянские войны не приносили решающей победы ни одной из сторон и постоянно заходили в тупик из-за изменчивой политической конъюнктуры и непостоянного состава противоборствующих лагерей. В статье проанализированы особенности взаимоотношений и противоречия между Францией и Испанией на итальянском направлении по завершении первой фазы Итальянских войн.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/4-2/47.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 4(66): в 2-х ч. Ч. 2. С. 181-185. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 94(410)

Исторические науки и археология

Начало XVI в. отмечено драматическими событиями во всей Западной Европе, но совершенно особое место в истории этого периода занимал Апеннинский полуостров, ставший ареной батальи между ключевыми игроками европейской политики. Итальянские войны не приносили решающей победы ни одной из сторон и постоянно заходили в тупик из-за изменчивой политической конъюнктуры и непостоянного состава противоборствующих лагерей. В статье проанализированы особенности взаимоотношений и противоречия между Францией и Испанией на итальянском направлении по завершении первой фазы Итальянских войн.

Ключевые слова и фразы: Италия; империя; гегемония; Итальянские войны; Максимилиан I; политика; папство; Франция; Испания.

Фурцев Роман Витальевич, к.и.н.

*Московский педагогический государственный университет
marinaio0707@mail.ru*

**СОПЕРНИЧЕСТВО ФРАНЦИИ И ИСПАНИИ
ЗА ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ В ИТАЛИИ В НАЧАЛЕ XVI В.**

В современных условиях европейской интеграции несомненный интерес вызывает исследование процесса политического становления и развития европейских государств, что неразрывно связано с изучением истории международных отношений на континенте. Период конца XV – начала XVI в. стал важным рубежом в истории Европы: на смену Средневековью приходит Новое время. В эту эпоху изменяются границы, складываются новые межгосударственные коалиции, происходит кардинальная перестройка политического ландшафта. Начинают формироваться национальные государства, которым предстояло сыграть ведущую роль в истории на протяжении всех последующих столетий. Получает свое развитие концепция «баланса сил».

Одну из ключевых проблем позднего Средневековья представлял вопрос политической гегемонии, возникший в Европе в связи с падением авторитета Священной Римской империи. В наиболее концентрированном виде разнонаправленные династические устремления европейских правящих домов проявились в Итальянских войнах. Фактически это были первые масштабные столкновения на континенте в эпоху раннего капитализма, поэтому экономический фактор в них не только присутствует, но и играет заметную роль, определяя династическую политику. Итальянские войны, по сути, явились пробой сил трех держав – Франции, Испании и империи. Начавшись под предлогом борьбы за господство на Апеннинском полуострове, они в конечном итоге переросли в битву за главенствующее положение в Европе.

А непосредственной причиной Итальянских войн послужило стремление французского дворянства, купечества и – в наибольшей мере – королевской власти завладеть землями Италии. Поводом же стали династические притязания французских монархов на Неаполитанское королевство, которое со второй половины XIII в. принадлежало Анжуйскому дому, но в середине XV в. было захвачено Арагонской династией, и на Миланское герцогство. При этом военные действия сопровождались внутренними распрями в самой Италии, облегчившими вмешательство других стран.

С момента окончательной ликвидации власти династии Штауфенов во второй половине XIII в. и, как следствие, резкого ослабления немецкого влияния в Италии французы и испанцы перманентно оспаривали друг у друга владельческие права на различные итальянские земли. И в первую очередь это касалось Неаполитанского королевства, наиболее слабого из всех государств Апеннинского полуострова не только в политическом, но и в экономическом отношении, внутривосточная ситуация в котором явно благоприятствовала вмешательству извне. Арагонская династия, «потратившая столетие на свое утверждение в Неаполитанском королевстве (1343-1442), не располагала ни силами, ни временем для того, чтобы преодолеть слабость и внутреннюю дисгармонию государства». Как следствие, «королевская власть не имела опоры ни в одном из слоев общества» [1, с. 431].

После потрясений, вызванных походом французского короля Карла VIII на Неаполь в 1495 г. и фактическим распадом так называемой «итальянской системы равновесия», стало окончательно понятно, что неаполитанская монархия была уже не в состоянии встроиться в новые политические реалии с учетом изменившейся обстановки на международной арене. Хотя в результате своей итальянской кампании Карлу VIII не удалось добиться поставленных целей, он ни на минуту не отказывался от вековых французских притязаний на неаполитанскую корону. Его преемник Людовик XII, несмотря на свой особый интерес к Милану, также старался следовать в русле традиционных установок политики Франции в отношении южноитальянского королевства. Для него и семейство Сфорца, правившее в Милане, и представители Арагонской династии в Неаполе в равной степени были узурпаторами. Теперь Франция как бы выжидала подходящего момента для реализации своих замыслов. Тем более что папа Александр VI с недавних пор стал всецело поддерживать французскую монархию в неаполитанском вопросе. Особенно после того как неаполитанский король Федерико отказался выдать свою дочь замуж за папского сына Чезаре [10, S. 522].

Испания же, к тому времени уже прочно владевшая Сицилией, на все инициативы императора Максимилиана I по сохранению южноитальянского королевства неизменно заявляла, что Неаполь, мол, уже не спасти. «Католические величества» Испании Фердинанд Арагонский и Изабелла Кастильская, очевидно, не желали оставаться в стороне, если речь пойдет о разделе неаполитанских владений. Между тем Максимилиан I в условиях жесткого внутривнутриполитического противостояния с имперскими сословиями не мог предпринять ничего конкретного для спасения Неаполя. Немецкие князья напрочь отвергали всякую идею, связанную с проведением очередной итальянской кампании, и касательно внешней политики не выказывали иного интереса, кроме как ценой любых уступок поскорее заключить перемирие с Францией. Лидер сословной оппозиции в рейхстаге архиепископ Бертольд Майнцский совершенно открыто заявлял о том, что лучше, мол, потерять несколько городов, пусть даже пол-Италии, чем отказаться от перемирия. А потерянные территории можно, дескать, и потом отвоевать [2, № 14887].

Начиная с апреля 1500 г. Франция становится для итальянских государств основным европейским партнером в сфере политической коммуникации. Соответственно, центр тяжести итальянской дипломатии сдвигается в сторону французского двора. Как сообщал в октябре 1500 г. Никколо Макиавелли, выполнявший тогда функции флорентийского посла при дворе короля Франции, даже правители Мантуи, Феррары и Неаполя стремились поддерживать регулярные дипломатические контакты с Людовиком XII, «ибо каждый из них боялся этого короля больше, чем полагался на других итальянцев... и это несмотря на то, что Мантуя и Неаполь находились в прекрасных отношениях с кайзером» [7, S. 120]. Разумеется, государства полуострова продолжали представлять на дипломатическом уровне свои интересы в империи. Но, в отличие от прежних времен, их дипломатическая практика при дворе Максимилиана I в условиях новой конфликтной ситуации в Италии, да и в целом в Европе, потеряла актуальность и ограничивалась краткосрочными церемониальными миссиями для выражения символических почестей главе империи. И, напротив, итальянские посольства во Францию стали теперь главным инструментом той политики поддержания равновесия, которую державы полуострова проводили во второй половине XV в. в отношениях друг с другом, и в рамках которой они к концу столетия активно привлекали Максимилиана I в качестве арбитра.

Среди дипломатических представителей Италии при французском дворе царил такой же разлад и антагонизм, как это уже многократно обнаруживалось в различных ситуациях при дворе главы империи, так что Людовик XII, как в свое время и Максимилиан I, мог играть на взаимных противоречиях государств полуострова, дабы извлечь из этого собственную выгоду. При этом для французского монарха подобно его германскому коллеге речь шла главным образом о деньгах, а точнее о средствах на покрытие растущих военных расходов [9, p. 121, 160]. Он также рассматривал Италию, прежде всего, как источник получения необходимых финансов.

Папские послы в рамках миротворческой дипломатии и пропаганды крестового похода и во Франции играли совершенно особую роль в процессе политической коммуникации итальянцев. А флорентийцы точно так же, как и при дворе Максимилиана I, входили в группу государств полуострова, которые противостояли территориально-политической экспансии со стороны Венеции и Святого престола и в русле традиционной политики равновесия старались согласовывать друг с другом предпринимаемые в этом отношении внешнеполитические и дипломатические шаги [7, S. 128, 139, 147]. Таким образом, и после французской оккупации Милана в 1500 г. политика итальянских государств, характеризовавшаяся извечным взаимным противоборством и соперничеством, с неизменной силой продолжала реализовываться в их дипломатической практике при иностранных дворах. Правители Италии оставались глухи к призывам здравомыслящих политиков и гуманистов забыть распри и выступить единым фронтом против любой агрессии извне [12, p. 16].

Захват Милана французами до предела обострил политическую ситуацию в Италии и фактически предопределил судьбу Неаполя. В результате поражения в Швейцарской войне, потери своего миланского союзника в лице Лодовико Сфорцы и утраты власти внутри империи Максимилиан I на время выбыл из числа активных игроков европейской политики. Поэтому теперь ничто не мешало французам и испанцам найти взаимоприемлемое решение и договориться между собой о разделе Южной Италии – без всякого учета интересов империи. Соответствующие соглашения были заключены 10 октября 1500 г. в Шамборе и 11 ноября того же года в Гранаде [2, № 14495]. В соответствии с этими соглашениями Франция получала Неаполь, Гаэту, Терру ди Лаворо, половину всех пошлин из Апулии, а также титул короля Неаполя и Иерусалима. Испания же достались Калабрия и Апулия с их герцогскими титулами и другая половина апулийских пошлин. Как говорилось в пакте, эти доли навечно переходили во владение королей Франции и Испании вместе со всеми господскими и судебными правами при сохранении сюзеренитета Святого престола.

Хотя Фердинанд Арагонский прежде и поддерживал в определенные моменты антифранцузскую политику Максимилиана I, но отныне он, воспользовавшись благоприятной политической обстановкой, без лишних колебаний предпочел пойти на союз с Францией ради получения очевидных территориальных выгод. Тем не менее поначалу испанцы тщательно скрывали от Габсбурга сам факт ведения переговоров с Людовиком XII. Для такого беспринципного, расчетливого политика как Фердинанд, являвшегося истинным воплощением «государя» по Макиавелли, глава империи был всего лишь одной из многих фигур на шахматной доске, которыми он пытался манипулировать по своему усмотрению. Вполне возможно, что, ставя Максимилиана I перед свершившимся фактом и как бы показывая ему пример, Фердинанд хотел склонить его также пойти по пути примирения с Францией. Тем более что в этом вопросе он нашел полную поддержку со стороны сына Максимилиана I, бургундского эрцгерцога Филиппа [Ibidem, № 14501]. По свидетельству самого императора, испанский посол заявил ему, что Фердинанд якобы пошел на союз с Людовиком XII,

желая, чтобы «Франция наконец оставила его (Фердинанда) в покое», а также по причине того, что «глава империи не захотел ему помочь» [Ibidem, № 11971].

Оставалось лишь получить одобрение Александра VI, и можно было приступить к реализации практических шагов по захвату южноитальянского королевства. В конце концов в начале июня 1501 г. понтифик согласился вступить в антинеаполитанский альянс Франции и Испании. 25 июня того же года он подтвердил решения обеих держав о разделе Неаполитанского королевства и в тот же самый день инвестировал монархов Франции и Испании соответствующими неаполитанскими ленами и титулами согласно договоренностям. Одновременно папа сместил с престола Федерико с формулировкой «из-за мятежа и сговора с турками» [Ibidem, № 15429, № 15446, № 15447, № 15448].

По словам итальянского историка Ф. Эрколи, «необходимый нейтралитет Венеции и папы перед лицом этой нечестивой сделки в отношении одного из самых славных итальянских государств был получен путем гарантий сохранения в руках венецианцев апулийских портов, захваченных ими ранее, а также предоставления в распоряжение сына понтифика (Чезаре) новых французских и испанских контингентов» [5, p. 88-89].

Вся кампания была весьма скоротечна. В начале июля французы вторглись на территорию Неаполитанского королевства, 25 июля штурмом была взята Капуя, а уже 19 августа 1501 г. французская армия вошла в Неаполь [2, № 15523]. В то время как испанцы заняли Калабрию и Апулию. Король Федерико вместе со своим двором и домочадцами бежал на остров Искью и стал ждать разрешения своей участи. В итоге его постигла судьба миланского герцога Лодовико Моро: он был арестован и пленником увезен во Францию. Таким образом, «франко-испанский сговор уничтожил еще одно итальянское государство» [4, p. 480]. И то, что французы смогли относительно легко провести эту операцию, объяснялось, прежде всего, их взаимодействием с Испанией. Соответственно, безопасность их новых владений на будущее в немалой степени зависела от доброй воли испанской королевской четы. Максимилиану I же, так сказать, связанному действиями сословной оппозиции в рейхстаге по рукам и ногам, в этой ситуации оставалось лишь пассивно наблюдать за ходом франко-испанской экспансии в Италии.

Среди видных испанских военачальников той поры выделялся Гонсало Эрнандес де Кордоба по прозвищу «Великий капитан» (*Gran capitán*). Именно он командовал испанским контингентом на юге Апеннинского полуострова. Многие будущие полководцы служили под началом дона Гонсало. В итоге Южная Италия, где «испано-маврское военное ремесло смешалось с немецко-бургундскими рыцарскими обычаями и вступило в соперничество с французским военным искусством, на протяжении последующих десятилетий превратилась в тренировочный полигон для проведения военных кампаний всемирно-исторического значения» [13, S. 74].

Ситуация на Апеннинском полуострове в тот период осложнялась еще и действиями союзника французов Чезаре Борджа, который вел свою сугубо личную войну за создание фамильного княжества или даже королевства в Средней Италии – «последнего оплота феодального деспотизма в Италии» [10, S. 577]. А «непотизм Александра VI вообще превратился в один из центральных факторов тогдашней европейской политики» [11, S. 180]. После взятия французами Милана сложились военные и политические предпосылки для успешных действий Чезаре по захвату территорий на северных рубежах Папского государства. Сначала он обрушился на Имолу и Форли, а затем последовательно завоевал Пезаро, Римини и Фазенцу и стал именовать себя герцогом Романьи. Напрасно маркграф Мантуи Франческо Гонзаго обращался к курфюрстам с просьбой об оказании безотлагательной помощи, указывая на тот немалый вред, который будет нанесен империи, если немедленно не пресечь действия зарвавшегося папского отпрыска [2, № 15275].

Даже Эрколе д'Эсте, влиятельный правитель Феррары и ленник империи, не рискнул отказать Александру VI и Чезаре, требовавших от него согласия на брак его сына и наследника престола Альфонсо с дочерью понтифика Лукрецией. Тщетно Максимилиан I предостерегал феррарского герцога от подобного мезальянса, взамен предлагая ему выдать Альфонсо за немецкую принцессу, которая «не опозорит его аристократического рода и принесет ему больше выгод и чести» [Ibidem, № 12322].

В начале 1502 г. Чезаре, по словам Макиавелли, «загадочный герцог, который мало говорит, но много делает» [8, p. 26], продолжил свои агрессивные действия и захватил Урбино, Камерино, Перуджу и Сиену [10, S. 581]. Такой безудержный разгул семейной политики Александра VI и его отпрыска объяснялся исключительно благосклонностью французского короля, смотревшего сквозь пальцы на бесчинства «герцога Романьи». Но если Людовик XII надеялся на то, что Борджа поддержат его в Южной Италии в случае возможного конфликта с испанцами, то, как показали дальнейшие события, его расчеты в этом отношении полностью не оправдались.

Между тем в судьбе Неаполитанского королевства еще не была поставлена финальная точка. Ведь «эта афера не принесла счастья Франции» [5, p. 90]. Хотя первое время после аннексии королевства отношения между французами и испанцами на юге полуострова складывались достаточно ровно, но уже к весне 1502 г. стали обозначаться серьезные противоречия, связанные с дележом городов, крепостей и пошлин. Что, впрочем, было неудивительно, учитывая всю историю взаимоотношений обоих государств. Кроме того, как отмечает Ф. Эрколи, «французская оккупация Южной Италии представляла собой прямую угрозу для испанского владычества на Сицилии, являвшейся главным поставщиком зерна на Иберийский полуостров» [Ibidem, p. 48].

Чтобы на месте разобраться в довольно запутанной обстановке, Людовик XII решил лично отправиться в Италию. Однако, прибыв на полуостров, французский монарх повел себя так, как будто бы вся Северная и Средняя Италия являлась сферой его неограниченного влияния, где только он вправе принимать ключевые политические решения. Естественно, такая позиция отнюдь не способствовала разрядке ситуации, а вызывала лишь раздражение у игроков итальянской политики. Папа и Венеция начали испытывать недоверие к действиям Людовика XII. Республика Святого Марка даже подумывала о скорейшем заключении мира

с турками, дабы в случае необходимости иметь возможность дать отпор французам. Тем временем постоянно возрастающая напряженность на юге полуострова грозила в любой миг перерасти в полномасштабную войну между Францией и Испанией. При этом многие опасались, как бы французы, имевшие в своем распоряжении значительные контингенты швейцарских наемников, не взяли под свой контроль весь юг Италии [3, № 16884, № 19912, № 19941, № 20125].

В этот критический момент испанские монархи снова вспомнили о Максимилиане I, который, по их замыслу, должен был теперь силами империи совершить военную операцию по освобождению от французов Милана и Ломбардии. Фердинанд и Изабелла, очевидно, не в полной мере осознавали тот факт, что в подобном предприятии глава империи не мог рассчитывать на какую-либо поддержку со стороны сословий, которые, как и прежде, были всецело поглощены внутривосточной борьбой, игнорируя решение насущных внешнеполитических проблем.

По сообщениям бывшего неаполитанского посла при дворе главы империи Монтибуса, многие в Италии недоумевали, почему же Габсбург вел себя так пассивно как раз в тот судьбоносный момент, когда все ожидали вмешательства империи в итальянские дела [Ibidem, № 19960]. Но как бы сам Максимилиан I ни стремился к проведению очередной заальпийской кампании, он был не в состоянии сломить сопротивление сословий. «Это была его судьба, что он, опираясь фактически лишь на довольно скромные в то время ресурсы своих родовых земель, был вынужден отстаивать традиционные притязания универсальной империи в противостоянии с могущественными соседями и врагами» [13, S. 76].

В ответ на инициативу испанской королевской четы Габсбург вступил в переговоры с Венецией, Испанией и швейцарцами, чтобы совместными усилиями помешать дальнейшим успехам французов в Италии. По-видимому, таким образом он надеялся в роли посредника или даже арбитра вновь вернуться в большую европейскую политику. Тем более что и Людовик XII щедрыми предложениями рьяно пытался добиться всеобъемлющего мира с главой империи [3, № 20385].

В противостоянии между Испанией и Францией на юге полуострова Максимилиан I однозначно занял происпанскую позицию. С сентября 1502 г. он начал вербовать и снаряжать на испанские деньги немецких ландскнехтов и в течение последующих месяцев через Триест регулярно доставлял испанскому командующему в Южной Италии дону Гонсало все новые партии солдат и артиллерии [6, S. 165]. При этом венецианцы, несмотря на гневные возражения французского посла, дали свое молчаливое согласие на проход войск через собственную территорию. Кроме того, синьория отправила испанцам в Апулию финансовую помощь в размере 100 тыс. дукатов [3, № 19953]. В конечном итоге на стороне Испании сражались не менее 3 тыс. немецких наемников. Именно они и сыграли решающую роль в победе испанцев над французами на юге Италии.

Тем временем к процессу мирного урегулирования конфликта между обеими державами подключился бургундский эрцгерцог Филипп. 2 апреля 1503 г. в Лионе он заключил с Людовиком XII договор, нарушив, однако, данные ему инструкции [Ibidem, № 20369]. Текст договора был составлен к явной выгоде Франции, поэтому ни испанцы, ни Максимилиан I даже и не думали о том, чтобы связывать себя этим соглашением. Таким образом, победоносное шествие дона Гонсало, нанесшего французам подряд три разгромных поражения при Терраубове, Семинаре и Чериньоле, было уже не остановить. 15 мая 1503 г. его армия вступила в Неаполь, и к началу июня почти вся территория бывшего Неаполитанского королевства оказалась в руках испанцев. В общем, «в Италии снова наступило политическое равновесие, только уже не в отношениях между итальянскими государствами, а между Испанией и Францией» [5, p. 92].

Французская политика чересчур долго тешила себя неоправданными надеждами на результативность благоприятного для нее Лионского договора и недооценила риски потери контроля над обстановкой на юге полуострова, упустив подходящий момент для того, чтобы перехватить инициативу в свои руки. Поэтому ситуация стремительно развивалась не в пользу французов, которые были уже не в силах дать серьезный отпор испанцам и сдержать их продвижение. Отвлекающие маневры на Пиренейском фронте не приносили желаемых результатов, а отправленные из Генуи и Марселя подкрепления прибыли на театр военных действий слишком поздно, чтобы переломить негативную тенденцию. Сказывались также и военно-политические мероприятия Максимилиана I и Венеции, делавших все возможное, дабы помешать триумфу французов в Италии. Кроме того, после смерти Александра VI, наступившей 18 августа 1503 г., Людовик XII потерял союзника в лице Чезаре Борджа. Когда же французы 29 декабря 1503 г. при Гарильяно наконец решились дать испанцам генеральное сражение, то были наголову разбиты. А спустя несколько дней они сдали противнику Гаэту, главный французский бастион в бывшем Неаполитанском королевстве, и спешно покинули страну [3, № 20884]. Военное превосходство испанцев и их скорое господство уже во всей Италии тогда стало совершенно очевидным фактом. Кстати, теперь, когда южноитальянское королевство стало объектом экспансии европейских держав, утратила всякое значение ленная зависимость Неаполя от Святого престола, потому что папство в силу ограниченности собственных ресурсов уже просто физически не могло добиться утверждения своих прав.

Именно с того момента берет свой отсчет процесс последовательного упрочения испанского владычества на Апеннинском полуострове. Однако государства Апеннинского полуострова еще не отказались от борьбы за независимость, которая ведется на два фронта – против Испании и против Франции. Одна за другой создаются многочисленные лиги, но ни одна из них не является чисто итальянской, в них постоянно принимает участие та или иная европейская держава. Дипломатия игроков итальянской политики сводится к стремлению создать равновесие между Францией и Испанией. И все это происходило на фоне дальнейшего ослабления позиций империи на международной арене. Хотя Максимилиан I вполне осознавал, что двумя ключевыми условиями успешной внешней политики являются деньги и сильная армия, но ни того, ни другого он в общеимперском масштабе не имел. В результате в Европе созрел собственный узел противоречий – борьба за гегемонию.

Империя не могла более претендовать на роль третьей стороны во всех европейских делах, но идея главенства империи, тем не менее, была еще жива. Вакантная должность верховного владыки Европы стала ставкой в развернувшейся борьбе между Францией, Испанией и Максимилианом I. В этом противоборстве периодически поднимался вопрос, кому должен был принадлежать титул императора, и обострялись классические для континента противоречия между германским монархом и папой. Попытка разрешения всех этих разнонаправленных устремлений и была предпринята в Итальянских войнах, которые наглядно показали, что роль империи и ее главы в европейских делах уменьшается по мере возрастания влияния Франции и Испании.

Список литературы

1. **Катушкина Л. Г.** Итальянские войны // История Италии. М.: Наука, 1970. Т. 1 / под ред. С. Д. Сказкина. С. 426-465.
2. **Böhmer J. F.** Regesta Imperii XIV. Ausgewählte Regesten des Kaiserreiches unter Maximilian I. 1493-1519. Köln: Bohlau, 1998. Bd. 3. Tl. 1-2: 1499-1501 / bearb. von H. Wiesflecker. 759 S.
3. **Böhmer J. F.** Regesta Imperii XIV. Ausgewählte Regesten des Kaiserreiches unter Maximilian I. 1493-1519. Wien: Bohlau, 2004. Bd. 4. Tl. 1-2: 1502-1504 / bearb. von H. Wiesflecker. 501 S.
4. **Cessi R.** Storia della repubblica di Venezia. Firenze: Giunti-Martello, 1981. 824 p.
5. **Ercole F.** Da Carlo VIII a Carlo V. La crisi della liberta italiana. Firenze: Vallecchi, 1932. 409 p.
6. **Hollergger M.** Maximilian I. (1459-1519): Herrscher und Mensch einer Zeitenwende. Stuttgart: Kohlhammer, 2005. 322 S.
7. **Machiavelli N.** Gesammelte Schriften. München: Georg Muller Verlag, 1925. Bd. 5. 559 S.
8. **Machiavelli N.** Il Principe. М.: Jupiter-Inter, 2005. 108 p.
9. **Machiavelli N.** Legazioni e Commissarie. Milano: Feltrinelli, 1970. V. I. 457 p.
10. **Pastor L.** Geschichte der Papste seit dem Ausgang des Mittelalters. Freiburg: Herder, 1956. Bd. 3. 968 S.
11. **Reinhardt V.** Alexander VI. Borgia. Der unheimliche Papst. München: Beck, 2011. 277 S.
12. **Sanudo M.** La spedizione di Carlo VIII in Italia. Venezia: Visentini, 1873. 684 p.
13. **Wiesflecker H.** Kaiser Maximilian I.: das Reich, Österreich und Europa an der Wende zur Neuzeit. Wien: Verlag für Geschichte und Politik, 1977. Bd. 3. 622 S.

**RIVALRY OF FRANCE AND SPAIN FOR POLITICAL INFLUENCE
IN ITALY AT THE BEGINNING OF THE XVI CENTURY**

Furtsev Roman Vital'evich, Ph. D. in History
Moscow State Pedagogical University
marinaio0707@mail.ru

The beginning of the XVI century is marked by dramatic events in all Western Europe, but a special place in the history of this period belongs to the Apennine Peninsula, which became a field of battle between the key players of European policy. Italian wars did not bring a decisive victory to any of the sides and constantly came to a standstill due to changeable political conjuncture and the unstable staff of the confronting parties. The article analyzes the specificity of relations and contradictions between France and Spain regarding the Italian issue after the first stage of Italian wars.

Key words and phrases: Italy; empire; hegemony; Italian wars; Maximilian I; policy; papacy; France; Spain.

УДК 94(47).05“1710/1716”

Исторические науки и археология

В данной статье исследуются доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате, которые имеют отношение к вопросам землевладения. Проанализировано несколько десятков таких приговоров. Особое внимание уделено проблеме изменения территориальной компетенции Поместного приказа по указу от 9 февраля 1710 г. В общей сложности проанализированы материалы по 16 городам, расписанным по указу от 18 декабря 1708 г. по губерниям и вышедшим из ведения Поместного приказа. Были рассмотрены некоторые аспекты кадрового состава Поместного приказа в 1710 г., а также сбора в губерниях указных пошлин с разрешаемых поместных и вотчинных дел.

Ключевые слова и фразы: Российская империя; реформа; доклады и приговоры в Правительствующем Сенате; Поместный приказ; территориальная компетенция.

Харченко Александр Владимирович

г. Казань

vdosav@yandex.ru

**«ДОКЛАДЫ И ПРИГОВОРЫ, СОСТОЯВШИЕСЯ
В ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМ СЕНАТЕ» КАК ОБЩЕДОСТУПНЫЙ ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ ПОМЕСТНОГО ПРИКАЗА 1710-1716 ГГ.**

Опубликование собрания «Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого» (ДПС) было начато ещё Н. В. Калачёвым и продолжено Н. Ф. Дубровиным. Издание шести томов, каждый из которых соответствовал определённому году, осуществлялось в течение 1880-1901 гг. и охватывало период с 1711 г. по первую половину 1716 г.